8. Очерки парламентского права (зарубежный опыт). М., 1993.
9. Парламенты мира. М., 1991.
10. Леггеви К. Транснациональные движения и вопрос демократии // «Transit-Europaische Revue». 2002/2003, № 24.
11. Бакушев В.В. Внепарламентские дискуссионные площадки: проблемы легитимности решений // Современный парламентаризма: взгляды, оценки, тенденции. Т.1. Бакушев В.В. и др. М.: Издат. «Граница», 2013.
12. Бакушев В.В., Понеделков А.В, Прогнозное развитие России: конец или расцвет олигархии // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всерос. элитолог. конгресса с междунар. участием. 7-8 октября 2013 г., Т. 2. – Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2013.
13. Королевский подарок. Куда россияне вывезли деньги в прошлом году// Российская газета. 2014. 29 апреля. (*приведены страны, куда вывезено свыше 1 млрд. долл. США*).
14. Время действовать // Российская газета. 2014. 7 мая.
15. Родзиховский Л. Место в истории // Российская газета. 2014. 7 мая.
16. Федеральные законы «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. № 106-ФЗ и от 5 мая 2014 г. № 110.
17. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. № 112.

УДК 32

Дегтярев А.К.

Гражданский национализм в российском обществе: имперский дискурс

В статье предлагается концептуальный анализ перспектив гражданского национализма в российском обществе. Делая вывод о том, что традиция русского национализма по отношению к государственности содержит отрицание идеи империи как союза народов, автор статьи полагает, что имперский опыт как схема восприятия государства надэтничной общностью позволяет перейти к модели гражданского национализма, в которой этнонациональные различия переводятся в режим гражданских добродетелей. Автор считает, что стремление по иному «эксплуатировать» имперские настроения создает эффект отторжения общества от государства и влияет на рост этнонационального сепаратизма. Им обосновывается положение о реальности гражданского национализма, если понимать под таковым идеологию российской политической нации, как общности граждан, воспринимающих имперский опыт в качестве культурной традиции.

Ключевые слова: имперский дискурс, имперский опыт, русский национализм, этнический негативизм, гражданские добродетели.

Дискуссионным моментом, постоянно воспроизводящимся в обсуждении национализма в российском обществе, можно считать признание влияния имперского синдрома, веры в имперскую миссию и предназначение России. Отмечается, что особенность ситуации заключается в том, что имперский опыт и имперские настроения объективно блокируют процесс нациестроительства, делают практически нереализуемым проект формирования гражданской нации, ориентированной на солидарность базовых гражданских добродетелей и осознание принадлежности к российскому гражданскому сообществу независимо не только от этнической и конфессиональной принадлежности, но и от схемы национального государства как естественного «очага» нации.

Вера примордиалистов в естественность нации, так же как и позиция конструктивистов в обозначении идентичности в качестве утверждения нации, наталкивается на аргументацию в пользу особенного третьего пути России, приверженности традиции имперского, наднационального сознания и отношения к культуре, духовности для освидетельствования непоколебимости имперского сознания.

Имперский дискурс представляется не столько политическим и историческим феноменом, сколько «сращенностью» народа и империи: как наднациональное, основанное на сакральности верховной власти образование; империя формирует общность судьбы, поддерживая это чувство территориально и культурно. Имеется в виду, что нация ни в этническом, ни в гражданском значениях не может возникнуть вне деимпериализации массового сознания, вне расставания с имперской мифологией, вне перехода к модели национального государства.

Современное Российское государство, действительно, содержит преемственность с предыдущими формами государственного развития. В этом смысле Российская империя и Советский Союз не существовали как европейские национальные государства. Предшествующий период российской истории отмечен тем, что в официальном дискурсе ограничивалась проблема русской нации как подрывающая стабильность и единство государства. Исключение составляла монография Е.С. Троицкого [1]. Конструкт империи провозглашал, что политика доминирует над культурой, политические границы выводятся из властных притязаний или исторических свидетельств. Отсюда возникала несовместимость имперской традиции и националистического чувства.

Эволюция национализма в общем происходила таким образом, что желаемыми являлись культурная однородность, совпадение политических и культурных (национальных) граней [2, с. 75]. Империя описывалась государственным реликтом, образованием донациональной эпохи. В империи могут существовать этносы, культурно-племенные союзы, но империя не допускает нацию как верховного суверена.

В российской истории империя является результатом кропотливой и тяжелой работы по собиранию земель и утверждению естественного монархизма-самодержавия, совершенной формой государственного правления и устройства. Русская философская мысль не анализировала и не оценивала национальное чувство атрибутивно, не рассматривала как неотъемлемое от общества состояние. Можно говорить о том, что находясь в системе нравственно-этических и исторических координат, духовность утверждалась выражением имперской традиции. Даже робкие попытки заявить о национальном выглядели дурным тоном, подражательством западному мещанству и буржуазному духу. Нация рисовалась воплощением группового эгоизма, бездуховности, логики культурного и социального разделения народов. К имперскому устройству отношение можно считать трепетным, так как иные неимперские формы влекли перерождение, утрату идеалов добра, блага и равенства. Сомнительным занятием было предлагать версию русского национализма, что влекло подозрения в разрушении империи и потворстве сепаратистским настроениям. П. Струве в полемике о сущности русского национализма отмечал, что «собирание и организация патриотического духа значит, что объединение духовных сил имеет конечной целью победу» [3, с. 153]. Победа означает в трактовке П.Струве и сопротивление внешнему врагу в отстаивании прав и достоинства нации, и борьба с внутренней слабостью, с раздорами в мыслях об обустройстве России.

Важно, что П. Струве придает национализму конструктивность: истинное лицо нации раскрывается не в территориальной экспансии, не в утверждении политического господства, сила единения переформатирует имперскость, усилия сосредотачиваются на притягательности объединяющей идеи, на том, что русская культура наднациональна, претендует на свободу от этнической ограниченности и в этом смысле встраивается в представление об истинном национализме.

Вероятно, участники полемики действовали в парадигме отрицания национализма, так как по своей сущности это разделительная идеология и с натяжкой можно говорить о плодотворном влиянии на умы и настроения в обществе. Так Е. Трубецкой, будущий идеолог евразийства, не одобрял взгляды П. Струве, считая, что многосмысленность термина «национализм» не избавляет от обязательности нравственного начала, а любовь к избранному народу есть отрицание высшей любви [3, с. 162]. Очевидно, что позиция Е. Трубецкого фокусировала «предрассудки и страхи» в русском просвещенном обществе.

Имеется в виду, что формула имперскости, несмотря на регрессивный монархизм, содержала возможность внутренней духовной свободы, так как сама нуждалась в подкреплении сакральным смыслом, тем, что ставит империю в разряд пусть не совершенной, но направленной на приближение к идеалу мирового общежития государственной формы. В связи с этим национализм не мог оцениваться в качестве превосходящей организации человечества. Стремление придать национализму «истинное лицо» не могло быть успешным, если последователи национализма ассоциировались с позицией избранности, углубления расколов человечества. Даже если считать, что большинство российских монархических и либеральных интеллектуалов того времени не повторяли мысль Вл. Соловьева о зверином облике национализма, любовь к нации характеризовалась как мещанское, буржуазное чувство.

Интересен поворот к тому, что признание национализма «числилось» за народами, имеющими историческое сознание и историческую традицию, но и поляки, и евреи воспринимались как союзники в борьбе с самодержавием и не одобрялась позиция национального сецессионизма, хотя приветствовалась автономия в составе России. Речь шла о проекте преобразования монархической империи в демократическое государство. Сложность заключалась в том, что разумная децентрализация государственного управления, приписываемая как избавление от пороков этнонационализма и имперского высокомерия, не могла реализоваться в условиях отсутствия влиятельной позиции гражданского национализма.

По определению гражданский национализм означает идеологию формирования и утверждения гражданской нации, общности людей на основе ценности гражданского патриотизма, подчиненности этнокультурных качеств наднациональной по существу идее гражданства [4, с. 16–20]. В России, где гражданская традиция не могла считаться укоренившейся и развитой, национализм неизбежно попадал в капкан этноцентризма: другими словами, принятие национализма как идеологии означало утверждение обоснования суверенности нации, национального государства как естественной формы общежития в ущерб правам и достоинству отдельного человека, и инонациональных групп. Имперскость, содержащая формулу безразличия к этничности, оценивалась в разнонаправленных смысловых контекстах: националисты видели в ней принятие притеснения нации, для либералов империя нуждалась во введении выборных демократических начал.

Но и в том, и в другом случаях гражданский национализм как политический проект отрицался. Очевидно, что российская идеологическая традиция пребывала в поиске геополитики, что означало приверженность имперским формам, отражающим современные реалии. Сложилось так, что и в массовом сознании, и по логике исторических обстоятельств, российская государственность являлась имперской, включала державность, принципы могущества государства, сильного лидерства и сохранения территориальных границ. Собственно, права и безопасность граждан удостоверялись верховенством государства, которое не могло быть национальным, так как было чуждо формуле «воли народа».

Критикуемая позиция «государству – власть, обществу – мнение», по существу, основывалась на опыте имперства. В историческом сознании российского общества сложилось представление об империи как форме гарантированного существования русского народа. Для националистов эта ситуация, к их несчастью, воспринималась с перекосом: они стремились видеть в культе государственности естественное обоснование национализации

народа, но выводимый ими конструкт народа имел мало сходств с нацией в ее европейском, исповедующем позицию обособления варианте.

Электоральная нормализация национализма внешне была направлена на расширение ее идеологической территории в структурах власти [5, с. 15]. Можно предположить, что утверждение о естественности национального чувства приводит к представлению, что для торжества национализма достаточно завоевания элит и государств. В результате гражданский национализм игнорируется в качестве инструмента легитимации власти и объединения общества на принципах позитивной мобилизации. Такое недопонимание связано с верой во всесилие государства. Примечательно, что современные «левые» и «правые», отвергая проект бюрократической европейской империи, мыслят «объединительными» категориями, рассматривают Евросоюз как ассоциацию имеющих равный статус национальных государств.

Этот тезис подтверждается тем, что исключается или минимизируется влияние гражданского национализма, отстаивания тех ценностей, которые бы не побуждали этнические разделения. В этой связи русский национализм не проявляет признаков самостоятельности и является дериватом настроенных на логику имперства идеологий, когда культурная однородность обозначается как объединяющая, вне гражданского участия. Личности предлагается принять схему сопричастности к наднациональной культуре на коллективном уровне, что производит эффект индоктринации. При этом формула принадлежности к нации теряет смысл сопричастности, то есть низводит личность к лояльности по политико-территориальному принципу.

Сфера политического принадлежит элитам, которые и определяют договор общества с государством, характерно, что интенции к гражданскому национализму выявляются у сторонников политического центризма, у тех, кто, разделяя ценности порядка и справедливости, определяют значимость гражданских прав и свобод.

В.С. Малахов отмечает, что принцип национальности поддерживался в 19-ом веке на основании понимания нации как союза людей, объединенных взаимной симпатией [2, с. 147]. В этом смысле национализм противопоставлялся имперству как устремленность к добровольной ассоциации, как то, что сообразуется с социальным сотрудничеством. Империя, следовательно, воспринималась в контексте государственного принуждения и не учитывался тот факт, что в памяти народов откладывается имперский «след». Можно трактовать как историческую ностальгию оценку имперских периодов в жизни народов бывших Российской и Австро-Венгерской империй, но с империей связывается рассвет духовной культуры и, главное, мир между народами, осуществление права народов на культурную и территориальную автономию.

В строительстве Евросоюза имперский опыт не носил характера открытой аргументации, но использовался ресурс исторической памяти о «добрых временах». Таким образом, национализму в посягательствах на завоевание государства не хватает чувства сопричастности, социальной эмпатии. Проглядывает боязнь воспринять нацию в гражданском измерении, отменяющем этнические различия в качестве разделительных. Катастрофический опыт конструирования политической этнонации в многосоставном обществе демонстрирует современная Украина, расколовшаяся по этнотерриториальным границам [6, с. 4–12].

Историк А. Миллер отстаивает мысль, что русский национализм воображал империю как «большой ареал» с национальным ядром [7, с. 16], с тем, что русские становятся не просто государствообразующей, но имперской нацией, в смысле принятия культурного критерия: в этом видении отсутствуют типичные этнические аргументы, но понятие русской нации становится эквивалентной имперским элитам. Общерусская нация, обнаруживая единство высших целей и смыслов, не является участником гражданско-политического процесса. Государственная и культурная однородность сужала успешность альтернативных национально-государственных проектов (польского, татарского, еврейского).

Позиция А.Миллера полезна тем, что подтверждает несамостоятельность русского национализма в обосновании принципа национальности: речь идет о том, что иная, связанная с этничностью трактовка нациестроительства имеет последствием распад государства. Но не только в этом обстоятельстве историческая лимитность проекта русских националистов.

Территориализация этничности, принятая большевиками в 20-е годы 20-го века, исходила из разрушения имперского синдрома, перехода к союзу свободных народов: политика часто насильственной «коренизации», осуществляемая местными элитами, убедила в том, что этнизация содержит риск сепаратизма, а местные элиты национализируются, делают национальное государство источником собственной легитимности. Ясно, что большевики не принимали во внимание гражданский национализм, так как это связано с базисными демократическими институтами. К тому же тогдашний европейский опыт укреплял мысль о политическом авторитаризме.

В нынешних условиях, если говорить о традициях имперскости, то она может быть вдохновляющей для построения гражданского общества. Ирония истории заключается в том, что имперский опыт подсказывает возможный вариант выхода из националистической конфликтности в том, что этнический негативизм показывает недостаточную способность проводить политику сотрудничества. Учитывая особенность российской политической системы можно говорить о стимулировании условий создания гражданской идентичности. Российская нация может считаться мегапроектом, если основываться на переводе этничности и конфессиональности [8, с. 101–116] в гражданственность, в использовании этнических чувств и эмоций для принятия и одобрения гражданского участия. Иными словами, имперский опыт полезен тем, что обращает внимание на формирование общности людей по критерию гражданской лояльности, гражданской принадлежности.

Это не является закреплением формально-правового статуса. Речь идет о доминировании гражданственности как определяющей коллективной позиции. В этом смысле теряется значимость этнотерриториальных разделений. Канадский исследователь Р.Шпорлюк писал, что К.Маркс не осознавал проигрыш надэтничного патриотизма национализму в борьбе за симпатии масс [9, с. 369]. Действительно, фиксируя архаичность пролетарского интернационализма, нельзя не отметить, что национализм неизменно вызывает симпатии, если альтернативная теория осуществляет критику национализма, делая двусмысленным совмещение личностью этнической принадлежности и гражданского чувства.

Можно считать, что имперский синдром в российском обществе есть следствие отклонения этнического негативизма на основе принятия формулы принадлежности к сильному государству. Важно, что имперскость есть и состояние массового сознания, и тип государственного устройства, определяемый надэтничностью и геополитикой. Для влияния на общество национализму приходится становиться имперским, принимать имперскую нацию, надэтничную общность, разделяемую ценностями государственности. Другими словами, речь идет не об эксплуатации имперских чувств населения, а метаморфозе национализма, когда нация совпадает с империей, то есть утрачивается основной признак национализма, совпадение территориальных и этнических границ.

Т. Соловей, В. Соловей пишут о том, что магистральное устремление русского национализма состояло в попытке гармонизации, непротиворечивого и взаимовыгодного сочетания интересов империи и русской нации [10, с. 418]. Однако в их утверждении содержится признание, что имперская ноша была чрезмерно тяжела для русского народа. Следовательно, можно говорить о том, что национализм прибегает к политической софистике, когда подвергается смысловой эрозии империя и неявно формулируется мысль о национальном государстве, так как это государство русского народа с сохранением имперской традиции этнической автономии.

По иному национализм не может предложить альтернативы, так как культурный императив не совпадает с гражданским императивом, то есть осознание принадлежности к

мировой по значению культуре не является основанием формирования гражданской общности. Кажется, что реалистический путь состоит в усилиях по трансформации государства, включении в отношения между обществом и государством с учетом имперского дискурса интересов этноса как интересов гражданских общностей. Важную роль в этом процессе может сыграть бизнес на основе социального партнерства с государством и гражданскими институтами, но при условии решения вопросов правового регулирования [11, с. 126–130]. Не следует оценивать этнос как социальную архаику. Современные этносы являются результатом социальной реконструкции и информационных технологий.

В качестве тенденции, которая может развиться, выявляется сохранение имперской уникальности, традиции межкультурного взаимодействия и терпимости в различиях. Это означает, что гражданский национализм может вполне сформироваться под влиянием имперского наследства: шанс существует в том, что в отличие от «мещанского» национализма предыдущего периода гражданство имеет притягательность в идее межэтнической солидарности и терпимости [12, с. 9–17]. По крайней мере, следует задуматься о том, что формирование российской гражданской нации вероятно, если вместо споров об этнонациональном статусе во властной иерархии способствовать соединению современной гражданственности и имперского наследства.

Повторяя мысль о том, что империя образует альянс народов и делает реальным культурно-цивилизационное единство, российская нация может восприниматься социальной реальностью, если избавляется, во-первых, от этнического негативизма, во-вторых, становится общностью этносов, вовлеченных в осуществление идеи социально разумного и справедливого общества, в-третьих, воспринимает традицию сильного государства как государства, гаранта всеобщего блага граждан. В этом смысле гражданский национализм ставит российское общество в состояние «демократии участия» и делает возможным отказ от имитации имперского наследства.

Литература

1. Троицкий Е.С. Русская нация. М.: Изд-во «Советская Россия», 1989. См. также издание книг по проблеме «Ассоциации по комплексному изучению русской нации», которую создал Е.С. Троицкий в 1983 г.

2. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2010.

3. Национализм: Полемика 1909-1917. М., 2000.

4. Дегтярев А.К., Черноус В.В. Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3.

5. Русский национализм в политическом пространстве. М., 2007.

6. Черноус В.В. Уроки украинского кризиса для России и мира // Украинский кризис: предварительные заметки / Южнороссийское обозрение ЦСРИ и П ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 83. М. – Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания. 2014.

7. Миллер А. Национализм и империя. М., 2005.

8. Кашаф Ш.Р. Российское государство в политическом дискурсе мусульманского сообщества // Социология власти. 2012. № 3. С. 101–116.

9. Шпорлюк Р. Комунізм і націоналізм. Кіев, 1998.

10. Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. М., 2009.

11. Крамарова Е.Н. Правовые аспекты институционализации благотворительности и меценатства в Российской Федерации // Философия права. 2012. № 5. С. 126–130.

12. Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В. Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 9–17.